

Литрес ≡ Классика

Барон Олшеври

ВАМПИРЫ

Барон Олшеври

Вампиры. Из семейной хроники

графов Дракула-Карди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74564426

Вампиры. Фантастический роман барона Олшеври из семейной хроники графов Дракула-Карди: 2026; Москва; 2026

Аннотация

В старинном замке, окутанном мрачными легендами, начинают происходить загадочные и пугающие события. Молодые герои, оказавшиеся в его стенах, сталкиваются с таинственными ночными визитами, исчезновениями и леденящими кровь намёками на присутствие вампиров. Им предстоит разгадать древнюю тайну, отделив мистический ужас от реальной угрозы, и понять, кто из обитателей замка – друг, а кто – враг.

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Барон Олшеври
Вампиры. Из семейной
хроники графов
Дракула-Карди**

Посвящается Е. Л. Х

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Пролог

*Не любо – не слушай,
А врать не мешай.*

Сегодня большая комната деревенской гостиницы ярко освещена и убрана по-праздничному. Там собралось большое и богатое общество. Вот уже неделя, как вся гостиница снята для американского миллионера мистера Гарри Карди.

Его приезду предшествовали целые легенды. Говорили, что он несметно богат, что его хлопчатобумажные плантации – целое королевство. Что в его происхождении много таинственного, что он потомок мексиканского короля Монтезумы и что он тайно поклоняется Вицли-Пуцли.

Вымысла в рассказах, конечно, было больше, чем правды. Одно оставалось неоспоримым: мистер Гарри богат, молод, страстный охотник, и страсть эта заставила его побывать и в Африке, и в Индии. В Европу его привело дело и любопытство путешественника.

В деревне болтали, что приезд этого сказочного принца в Карпатские горы был сопряжен с вводом во владение древним замком графов Дракула.

Замок этот лет сорок, если не больше, стоял покинутым. Все хозяева вымерли, а последний, как говорят, оставил мир и отрекся от жизни, похоронив себя в монастыре, где и умер.

Одни уверяли, что мистер Гарри купил замок ради титула, другие – что замок перешел к нему по наследству.

Что один из графов Дракула уехал в Индию и изучал там черную магию под наблюдением браминов, и что уже оттуда его потомки попали в Америку. Мистера Гарри сопровождал целый штат служащих, друзей и прихлебателей.

Самыми близкими к миллионеру были: доктор Вейс, небольшого роста полный господин, весельчак и милый собеседник; капитан Райт – англичанин, доведший свое хладнокровие до апогея. Рассказывали, что, находясь в плену, в подземельях кровожадной Бовами, где его ожидала неминуемая смерть, он не изменил своему обычаю и не выпускал сигары изо рта, а при почти чудесном освобождении спросил стакан рому и выпил его так же спокойно, как и на дружеской пирушке. К этому неразлучному трио присоединился еще Джемс Уат, также американец, но в жилы которого, несомненно, попала живая кровь француза. Он был подвижен и всегда желал до всего допытаться, ко всему, его занимающему, прикоснуться руками. За желание потрогать золотой лотос на груди какого-то индийского истукана он чуть не заплатил всей рукой. И посейчас красный шрам, как змея, обвивает его руку. Этот шрам – память от удара одного фанатика. За страсть Джемса к наблюдениям и выводам доктор называл его Шерлоком Холмсом.

Затем шли: управляющий Смит; личный камердинер Гарри – Сабо; слуга и помощник доктора Джо (он же заведовал аптекой и всеми перевязочными средствами, столь нужными при опасных охотах); повар и лакей. Остальной штат нанимался из местных жителей и при отъезде распускался. Общество друзей-прихлебателей тоже менялось по месту жительства.

Теперь Гарри сопровождала больше молодежь – любители

охоты или же люди, умевшие вообще пожить за чужой счет.

Надо отдать справедливость, Смит умел занять гостей хозяина. В настоящее время охота сменяла охоту, одна лучше другой, а по вечерам всех ждал роскошный ужин с обилием лучших вин.

Вино развязывало языки. После трапезы шли разговоры. Вначале болтали о скачках и женщинах, но чем дальше в горы забирались охотники, тем чаще прежние темы сменялись охотничьими байками и рассказами о приключениях в лесах Америки и джунглях Индии.

Сегодня хозяин изобрел новую забаву – чтение. Недавно он принял на службу старика библиотекаря, Карла Ивановича Шмидта, для разборки нужных бумаг, а главным образом для отыскания в местном церковном архиве документа о смерти или погребении одного из графов Дракула. Каждый вечер библиотекарь давал отчет, что им найдено за день, и вот сегодня он принес хозяину бумаги, вернее, дневники или записки, взятые из церковного архива. Записки эти показались Гарри интересными, и он попросил Карла Ивановича прочесть их вслух после ужина, для развлечения гостей.

Часть I

Дневник учителя

Глава 1

*С этой ночи никто из жителей не видел его.
Что это, случайность или новая жертва?
Я сказал жертва, но жертва чего?..*

Глава 2

Вот уже полгода, как я не брал в руки эту тетрадь. Все было спокойно. Мое подозрение, что между «случайностями» есть связь, что-то роковое, что заставило меня вести эту летопись несчастий, улеглось. Мне даже было стыдно, что я поддался такому суеверию...

Вчера мои сомнения вспыхнули вновь. Пропал Генрих-охотник.

Генрих – это предмет тайных мечтаний всех деревенских невест. Молод, красив, всегда весел. Первый танцор и первый храбрец. Говорили, что он не знает страха, черта не боится, а перед Божьей Матерью, покровительницей нашей деревни, склоняется почтительно и даже носит ее изображение и образок на груди на зеленом шнурочке.

В пятницу утром Генрих ушел на охоту, обещав вернуться ко времени службы в костеле. Но ни в воскресенье, ни в понедельник его не было. Сестра его, Мария, очень беспокоится: не случилось ли с ним несчастья. Она пришла к нам на кухню, плакала и просила совета.

Среда – Генриха нет. По деревне уже идет слух, что он погиб и искать его надо не иначе как в Долине ведьм...

Но зачем он туда попадет? Если кузнец Михель и нашелся в Долине ведьм, то он был пьян... Генрих не пьет, да и промысел его лежит не близ проезжей дороги, а по другую

сторону, в горах...

– Здесь, видимо, вырвано несколько листов, – сказал библиотекарь, сдвигая очки на лоб.

– Вот и отлично, перерыв, мы можем выпить по стакану вина! Эй, Сабо... – вскричал веселый хозяин. – Кстати, господа, – продолжал Гарри, – по расписанию мы завтра после охоты ночуем в Охотничьем доме. Он как раз на холме, при входе в Долину ведьм. Вот, капитан Райт, тебе случай показать свою храбрость.

– Пока я еще ничего не понимаю, – пробурчал Райт.

– Поймешь, когда ведьма завладеет тобой.

– Да объясни лучше, что это за знаменитая Долина ведьм?

– Долина ведьм – прекрасное место, – вмешался один из гостей, местный уроженец. – Говорят, туда собирается нечистая сила и ведьмы справляют там свои мерзкие праздники. Кто дорожит спасением души, не должен на них смотреть.

– Видите ли, друзья мои, – вновь начал Гарри, – Долина ведьм – это небольшая прелестная равнина, лежит она у подножия скалы, на которой стоит замок. Но скала настолько крута, что из долины подъезда на него нет. С другой же стороны протянулась цепь лесистых гор. В одном конце равнины стоит наш Охотничий дом, а недалеко от другого конца проходит проезжая дорога. На дне долины лежит небольшое озеро, сплошь заросшее мертвыми розами неньюфарами. Берега его болотисты, и на закате солнца на нем клубится туман.

– Вот этот-то туман, конечно, и подал, по моему мнению, мысль к созданию всех легенд о долине, – вставил свои слова доктор.

– Не слушайте его, у него нет ни капельки поэзии в душе, – перебил хозяин. – Туман, особенно при свете месяца, принимает образы прекрасных молодых женщин... На голове венки из мертвых роз, а по плечам вьется белое легкое покрывало... Глаза горят, как звезды, а тело светится розоватым оттенком...

– Недурно, – промычал Райт.

– Да, но немного найдется желающих испытать эту любовь. Всякого, кто волей или неволей попадал в полнолуние в Долину ведьм, находили мертвым, а если он и приходил оттуда, то умирал через месяц – в следующее полнолуние. Женщины с озера вместе с поцелуями выпивают его жизнь. Он слабеет, бледнеет и умирает.

– Еще бы не умереть, когда вода в озере стоячая, гнилая, и туман несет бог знает какие ядовитые испарения, – прибавил доктор.

– Смотри, доктор, заплатишься за свое неверие, – смеясь, сказал Гарри.

– Напротив, я вполне верю, что если пьяный зайдет на болото, то он или утонет, или, проспав на сырой земле, схватит лихорадку, а болотные лихорадки шутить не любят.

– А что ты скажешь о ранках, находимых на теле тех, кто умер в долине? Положим, ранки крошечны, едва заметны.

– Ну, это очень просто, укусы змеи или пиявки. Ведь ты сам говоришь, что ранки едва заметны.

– Впрочем, что, господа, говорить о том, что было да прошло, – с печальной миной продолжал хозяин. – Вот уже больше тридцати лет никто не погибал в Долине ведьм, и храбром капитану Райту не придется отличиться. Нам остается только жалеть, что мы живем в век, когда нет ни спящих красавиц, ни драконов, ни даже самых простых упырей. И нам остается слушать о чужих подвигах. Еще по стакану вина и внимание! – закончил Гарри.

Библиотекарь надвинул очки и начал:

– Только когда он пришел в себя, нам удалось разжать судорожно сведенные пальцы. В них оказался образок Божьей Матери, который он всегда носил на себе.

15-е

Сегодня Генрих заговорил – сбивчиво, неясно. Но если хорошо обдумать, то, видимо, дело было так: он заблудился, что довольно странно для Генриха, и к ночи попал к озеру Долины ведьм. Чувствуя, как и все простолюдины, страх перед этим местом, он бросился бежать: взобрался на высокую скалу, куда не достигает туман, и решил не спать. Сев на выступ скалы, недалеко от куста боярышника, он, как хороший католик, прочел «Аве Мария» и задумался.

Луна ярко сияла. На озере клубился туман, воздух был

прорван серебристыми нитями, и цветы боярышника странно благоухали. «Точно вонзались мне в голову», – говорил Генрих. Было жарко. Небывалая, приятная истома напала на него... Вдруг порыв ветра качнул куст, и ветка ударила его в грудь, в ту же минуту он был осыпан белыми лепестками.

«Словно белое покрывало окружило меня», – говорил он. Луна померкла.

Покрывало засветилось, и ясно было видно прекрасное женское лицо, бледное и чудное, с большими зеленоватыми глазами и розовыми губами. «Оно все приближалось – я не мог от него оторвать глаз, – говорил Генрих. – Хотел молиться, но слова путались в голове. Хотел схватить свой образок, но представьте себе мой ужас, – с дрожью прибавляет Генрих, – образка и шнурка не было на мне». «Оно» сорвало его покрывалом! Наконец «оно» прильнуло к моим губам... все зашаталось и пошло кругом... Я потерял сознание», – добавляет он.

Очнулся он от сильной боли в шее. Не успел открыть глаз, как в голову ударил одуряющий запах свежей крови...

«У меня вновь закружилась голова, и я упал», – говорил Генрих, падая, рукой он ухватился за что-то – и дальше он не помнит ничего.

Генрих убежден, что сама Божья Матерь спустилась, чтобы спасти его от вампира. Он уверяет, что видел сияние вокруг ее лица и слышал злобный хохот побежденного дьявола. Ведь то, что, падая, он схватил рукой – был его заветный

образок!

16-е

Мне, сельскому учителю, представителю просвещения, не подобает верить в вампиров.

Да, если спокойно разобрать историю Генриха, то все выйдет очень просто.

Он заблудился. Ночь на воскресенье была очень темная. Увидав себя в Долине ведьм, он, как всякий крестьянин нашей деревни, испугался и, вместо того чтобы быстро пересечь долину и идти в деревню, бросился в горы.

Ведь, пересекая долину, надо пройти мимо озера, ну а это было выше его храбрости.

Усевшись на камень, он задремал и все остальное видел во сне. Со сна упал и ударился головой, отчего и потерял сознание: да, это так.

Почему только он слаб?

Фельдшер говорит, что такая слабость бывает от сильной потери крови.

Ран на теле у него нет, и фельдшер предполагает, что просто от жары и волнения у него пошла носом кровь, так как рубашка спереди была в кровавых пятнах. Фельдшера удивляет только то, что, судя по пятнам, крови вышло не так много, а Генрих, такой молодой и здоровый, ослабел столь сильно от сущего пустяка.

Сегодня я был в Долине ведьм и нашел место, где заснул Генрих. Это было нетрудно: ружье его все еще стояло приклоненным к скале, и шляпа валялась рядом. Сев на камень, я отлично понял, как порывом ветра наклонило боярышник и тот колючкой сорвал шнурок с образка и ею же уколол и шею бедняги. Кстати, и шнурок висел тут же на ветке. Осмотрев подножие камня, я нашел следы колен и рук Генриха. Падая, он рукой нечаянно уперся в оборванный образок и стиснул его пальцами. Если б я нашел признаки, куда полилась кровь из носа, то все было бы ясно. К сожалению, этого я не нашел. Кругом все тихо.

Возвращаясь домой, я увидел под ногами цветок неньюфара. Откуда он?

Немного завядший, но все еще прекрасный. Генрих не говорил, чтобы он срывал его, да он и не подходил к озеру.

Я поднял цветок и принес его домой. Сейчас он стоит передо мной в стакане воды. Как прекрасен! Завялости нет и следа, лепестки прозрачно-белы и точно дышат, а внутри сверкают капли воды, как дорогие камни, нет, как милые глазки... Что это, аромат? Нет, игра воображения, неньюфар, мертвый розан, ничем не пахнет.

Пора спать. Слава Богу, дело с вампирами окончено: все так просто и естественно.

...Три дня я не брал пера в руки... Такая творилась со мной чепуха.

Обдумав хладнокровно все приключения Генриха, я успокоился и лег спать.

По-видимому, тотчас же заснул...

Сколько прошло времени – не знаю, но мне показалось, что я не сплю.

Комнату наполнял серебристый свет: он переливался и мерцал. Это был не холодный свет луны, а напротив, свет, полный желаний и трепета... Откуда он?.. Он точно родился в моей комнате. Следя за волнами, я увидел, что он идет от моего письменного стола.

Смотрю, неньюфар уже не плавает беспомощно в стакане воды, а гордо качается на высоком стебле, да это уже не стебель, а стройное женское тело, а на месте цветка чудная головка. Бледное лицо с большими печальными глазами и чуть-чуть розовыми губами, золотистые волосы падают красивыми волнами на грудь.

Фигура тихо качается и с каждым движением растет, приобретая нормальный размер, только тело прозрачно, точно соткано из серебряных нитей.

Вот она двинулась от стола, и комната наполнилась ароматом и неуловимыми звуками. Движения призрачны; фи-

гура словно плывет в воздухе...

Все ближе и ближе; она уже качается около моей кровати, что-то шепчет, но я не могу разобрать слова...

Она склоняется ко мне, я холодею; она хочет припасть ко мне на грудь, но страх придает мне силы; дико вскрикнув, отталкиваю видение...

Раздается грохот и звон разбитого стекла...

В комнату вбегает испуганная Мина, и я вскоре могу разобрать ее ворчание:

— Кричат, столы со сна роняют, и графин разбили, а купили-то его всего как два года, новенький.

Итак, это сон!

Недоверчиво кошусь на письменный стол: там беспомощно увядает бедный неньюфар... Только сон!

Мне стало смешно и стыдно.

22-е

День прошел как всегда.

К ночи мне показалось, что неньюфар ожил.

Улегшись в постель, я взял книгу и начал читать, невольно время от времени посматривая на цветок.

Положительно я не ошибаюсь: он становится нежнее и светлее. Еще немного, и он закачался на высоком стебле. Я сел на кровать. Я не сплю.

И это уже не цветок, а женщина... Опять звенит воздух,

опять наполняется ароматом...

Но она не подходит ко мне, а смотрит, смотрит... точно молит о чем-то...

Чего она хочет?

Мне пришло на ум, не душа ли это какой-либо самоубийцы, просящей молитвы за себя.

Призрак застонал и исчез...

Как я заснул – не помню.

23-е

Утро. Ненюфар почти завял.

Что же, опять был сон? Нет и нет!

Целый день меня преследует мысль: что она хотела, о чем просила?

Сегодня я ее спрошу.

Вечером, после ужина, я хотел взглянуть на ненюфар, но его не оказалось на столе. Мина на мой вопрос ответила, что выбросила увядший цветок. Жаль, я привык к нему.

Ночью сон бежал меня. Я ждал.

Но все было тихо. Стол стоял пустой и темный. Воздух был спертый. Я ждал.

Но все напрасно...

Наконец, больше не мог выдержать, встал и открыл окно.

Луна сияла. Далеко по направлению Долины ведьм вился туман, принимая различные очертания. Мне казалось, она

там, она ждет меня.

Чего она хочет?

Как я ни всматривался в туман, ее не было. А между тем я ясно чувствовал, что она там и ждет.

Не пойти ли? А если правда, что говорят о Долине ведьм?

Пока я колебался, выглянуло солнце и туман рассеялся, вместе с ним ушли и мои желания и сомнения. Все-таки спрошу у фельдшера нервных капель.

24-е

Был на деревне, сказал, что болит голова, и просил капель.

Фельдшер смеется: «Уж и вам, как Генриху, не снятся ли девы, сотканые из тумана, с неньюфарами в волосах?»

Кстати, Генрих поступает в помощники к церковному сторожу. Он говорит, что не может видеть свежей крови и что должен отмолить свою душу. Его сильно подстрекает старик сторож, да и немудрено, старик страшно дряхл, говорят, ему больше ста лет и он нуждается в молодом помощнике.

Он уверил Генриха, что если вампир попробовал крови человека, то тому очень трудно от него спастись. А в церкви, кроме защиты Божьей Матери, старик предлагает и свою помощь.

– Я умею возиться с этими паскудами! – утверждает он.

Пью капли и сплю отлично, не лучшее ли это доказательство, что дело не в вампирах, а в нервах.

И чего я струсил? Надо было посмотреть, что было бы дальше. Все идет своим порядком, только Генрих с усердием кладет поклоны и звонит на колокольне.

Попробовал расспрашивать его. Молчит. Сознался только, что ранка на шее плохо заживает.

– И не заживет, пока она не укусит кого другого, – буркнул старик сторож, слышавший наш разговор.

У старика, видимо, «не все дома», как говорится. Над окнами, над дверями, на подоконниках – всюду нарисованы кресты. Щелки, замочные скважины забиты чесноком; около кровати Генриха висят венки из омелы и цветов чеснока. Сад полон этим же вонючим растением.

На мой вопрос:

– Что это?

– Она не любит! – ответил старик.

Когда же я стал объяснять ему, что наука не признает существование вампиров и что мертвые не встают из гробов, он только покосился на меня и прошамкал:

– Молод еще, поживи с мое!

Мина говорит, что старик знал лучшую жизнь. Он был дядькой одного из молодых графов Дракула и жил в замке.

Но семью постигло какое-то несчастье, которое и свело в могилу почти всех из рода. Замок забросили, и он пришел в упадок. Говорят, есть дальние родственники где-то в Америке, но никто не знает, где они.

– Стойте, – прервал чтение один из молодых людей. – Гарри, да не вы ли этот американский наследник? Я что-то слышал подобное.

– Пожалуй, вы правы, – сказал молодой хозяин, – что дело идет обо мне, вернее, о моем дяде. Дядя со стороны матери оставил мне, умирая, свои хлопчатобумажные плантации и какие-то права на замок и титул. Первое время у меня не было времени думать об этом: наступил кризис в торговле хлопком – надо было спасать доллары. И вот только полгода назад я решил ехать в Европу. Оказалось, что замок и земли существуют, но все страшно запущено. Замок с виду представляет руину, и я даже не был в нем, тем более что не могу получить ввода во владение – не хватает акта похорон двоюродного деда или указания места, где находится его могила. Вот я и просил Карла Ивановича разобрать школьно-церковный архив. Нужной бумаги нет, а он выудил какие-то записки и рассказы о здешних вампирах. По правде говоря, мне некогда было его выслушать, тем более что местный священник все объясняет старинными легендами, а деревенский староста уверяет, что вот уже тридцать лет, как у них в деревне не было ни одного случая убийства или загадочной смерти. Раз только и случилось, что пьяный столяр

зарубил свою жену, да и та после этого жила целый год. Зимой, как вы знаете, я провел в Париже. А весной меня и потянуло на охоту. Вот я и предложил вам поехать в мое, хотя еще и не утвержденное, поместье в Карпатских горах. Замок выглядит сумрачно, и я велел пока отделать Охотничий дом.

Карл Иванович забрался сюда раньше и глотает архивную пыль.

– Если б мистер Гарри разрешил посмотреть архив замка, – заявил старый библиотекарь.

– Хорошо, хорошо. Это от вас не уйдет, мы все пойдем осматривать замок. Друзья, по последней сигаре, – предложил хозяин. – Продолжайте, Карл Иванович.

27-е

Ночи стали темнее, сплю хорошо, и нервы совершенно успокоились.

Вчера заходил к Генриху. Он бледен, но, видимо, тоже успокоился. Старик усердно подмалевывает крестики и разводит чеснок.

На мои насмешки по поводу чеснока ответил:

– Эх, связываться с тобой только не хочу, а уж порассказал бы!

Надо подпоить старика, авось развяжет язычок.

28-е

Все идет спокойно и скучно. По ночам запах чеснока из церковного сада проникает даже и в мою комнату.

29-е

Сегодня зашел к нам церковный сторож, принес Мине в чистку какие-то церковные вещи.

Я его зазвал в кабинет и угостил чаем, куда успел влить ложки две рому.

Старика живо развезло, и он начал ораторствовать: говорил о замке, о порядках в нем, о гончих, о прекрасной бедной графине.

– А вот поди ж ты, – развел он руками, – чуть она меня не загрызла!

– Кто, гончая сука? – спрашиваю я.

– Какая там сука, графиня. Умерла это она, а как полнолуние, так и пойдет ходить. Пристанет к кому – известно, погиб человек! Иной тянет месяца два, а иной и сразу ноги протянет. Выпьет у человека жизнь. Много тогда народу из замка разбежалось... А вот однажды идем это мы опушкой, а матерый-то волк и прысь на меня, повалил; я уже Богу душу представил! А она-то, моя голубка Нетти, красавица, как

разъярится да ему, паскуде, в загривок впилась...

– Кто, графиня мертвая? – удивился я.

– Ну тебя, путаешь все только! Гончая Нетти, я сам ее вынянчил; и ни за что пропала собака! В ту ночь и погибла, когда змея укусила молодую графиню. Знаешь, та, с зелеными глазами...

Чем дальше, тем рассказ его путался все больше и больше, и окончательно нельзя было уже отличить, о ком идет речь: о суке Нетти, о графине или о змее. Кто кого укусил и у кого были зеленые глаза.

– Я ее утопил в старом колодце! – с гордостью закончил старик.

Он пошел домой, я его не удерживал. На пороге он оглянулся и, смеясь, спросил:

– Что, помогает?

Глава 3

5-е

Наступило полнолуние. Я тоскую, меня гнетет неведомое желание, кругом какая-то пустота.

Что она хотела, о чем просила?

Каждую ночь, помимо своей воли, я жду ее и прислушиваюсь...

Тихо.

Только противный чесночный запах стоит в комнате. При открытом окне он легче, несмотря на свободный доступ воздуха.

Чего я жду? Сна?... Видения?..

Днем я совершенно покоен, но к ночи становлюсь раздражительным, не могу найти себе места. Меня тянет куда-то, что-то надо сделать, но все неясно, неопределенно, а потому еще мучительнее. Состояние становится невыносимым.

Завтра пойду и принесу неньюфар.

6-е

Днем я был сам не свой, к вечеру пробрался за деревню,

сбежал в долину, к озеру, и сорвал прекрасный неньюфар. Причем по колено попал в болото.

Крадучись, точно вор, принес его в комнату.

Сажу у стола и жду. Ничего! Надо лечь.

Всю ночь не мог спать, ждал и ждал – ничего!

Неньюфар недвижим, и только запах чеснока царит в комнате.

Что делать? Как добиться ее возвращения? Чувствую, она страдает, но как и что?!

11-е

Был на озере несколько раз, но, кроме промоченных ног и испачканных сапог, ничего не добился.

Тоска моя нарастает... она для меня не видение, не призрак, а любимая, желанная...

13-е

Был у Генриха. Старик хитро улыбается. На мой вопрос о суке Нетти довольно обстоятельно объяснил, что у графов в замке была отличная стая гончих, а Нетти была любимицей самой графини и имела привилегию лежать у ее ног.

– Уж не иначе как старый американский дьявол уходил ее, – говорил старик. – С первого же дня она его невзлюбила!

Чуяла. Как завидит, ошестинится, оскалит зубы... а в ночь, как захворала графиня, на Нетти смотреть было страшно. Когда я вбежал в комнату, Нетти стоит и трясется, шерсть на ней вся дыбом, изо рта пена, а глаза дикие, зубы щелкают. Некогда было тогда заняться ею, а помню, это я хорошо помню, как открыл я дверь на террасу, Нетти как сумасшедшая бросилась вон и скрылась по направлению старой капеллы... Больше ее и не видели...

– Ты думаешь, что змея укусила Нетти? – спросил я.

– Нет, змея укусила графиню.

– Откуда же взялась змея в замке? – удивился я.

– Из футляра, старый дьявол привез...

Когда я уходил, старик спросил меня: хорошо ли я сплю и перестал ли ходить на озеро.

– Кто тебе сказал, что я был на озере?

– Да где же вы сапоги-то пачкаете, ведь все в тине, не ото-трешь. Ничего, будете спать хорошо, – прибавил он и засмеялся.

Придя домой, я все раздумывал, почему старик интересуется, хожу ли я на озеро, и почему он уверен, что я буду спать хорошо.

Раздумывая, я ходил по комнате и нечаянно задел занавес у окна: из-под него что-то скользнуло и упало на пол – поднимаю, и что же!.. Гирлянда засохших цветов и луковиц чеснока! Так вот откуда этот противный запах, а я думал из церковного сада. Не иначе как старик подкинул мне ее.

– Здесь опять перерыв, – сказал старик библиотекарь.

– И отлично. Пора спать, а то половина гостей дремлет, капитан Райт так и похрапывает, – заявил хозяин. – Доброй ночи и побольше прекрасных сновидений.

Все охотно разошлись по комнатам деревенской гостиницы – усталость охотничьего дня давала себя знать.

Глава 4

Утром за чаем веселый хозяин спросил:

– Господа, кого посетили ночью здешние девы? Неужели никого!

– Меня, – робко заявил один молодой человек, скорее мальчик – лет шестнадцати, болезненный, нервный.

– Что, как, расскажите? – посыпались вопросы.

– Она пришла и просила открыть дверь, где она давно томится, и сказала, что берет меня в свои рыцари, – конфузясь, сообщил мальчик.

– Какую дверь, где? – спросил Гарри.

– Не знаю. Она сказала «ищи».

– Ну, конечно, она была с распущенными волосами и с неньюфарами? – смеясь, сказал доктор.

– Совсем нет, – ответил юноша, – я рассмотрел ее хорошо и узнаю из тысячи. У нее темные волосы, и большой черепаховый гребень держит их на затылке.

– Галлюцинация, – пробормотал доктор.

– Лошади готовы! – доложил слуга. Все бросились к ружьям, сумкам, патронташам, и все женщины и вампиры мира были забыты. Охота.

Глава 5

Вечером охотники собрались вместе. Трофей был великолепен, а потому и состояние духа у всех повышенное. После хорошего ужина и многих стаканов вина разговор с охотничьих приключений снова перешел на вурдалаков.

Вытребовали старика библиотекаря и подступили к нему с вопросами, не нашел ли он продолжения дневника учителя.

– Нет, господа, в церкви идут приготовления к празднику Богородицы, а потому ризница и архив подле нее замкнуты. Но если мистер Гарри позволит, то я могу прочесть письма, найденные сегодня в Охотничьем доме. Мы были там с управляющим, и дом, как уже известно, не успели приготовить к сегодняшнему вечеру. Он очень запущен. Даже к завтрашнему будет готова только часть дома: столовая и несколько спален, – говорил библиотекарь. – Убирая одну из спален, управляющий нашел в столе пачку писем и передал мне. Я просмотрел их, мне кажется, что письма эти имеют связь с дневником учителя, и вот если господа пожелают, я их прочту, – предложил Карл Иванович.

– Просим, просим!

– Я предполагаю, – продолжал Карл Иванович, – что это пишет один товарищ другому; место отправления, судя по пометке, Венеция, Италия.

Письма к Альфу

Письмо первое

Милый Альф!

Ты не можешь себе представить, как я счастлив. Мне разрешено, вернее, я могу вернуться на родину, которую оставил семилетним мальчиком. До сих пор для меня тайна, почему я был отослан из родительского дома.

Я много раз тебе рассказывал, как богато и весело жилось в родовом замке отца, но я как-то стеснялся рассказать тебе последние мои впечатления.

Сегодня мне хочется это сделать. Не знаю сам, что побуждает меня к тому.

Начинаю.

Был прекрасный весенний вечер, солнышко еще не закатилось, сад благоухал запахом цветов; все собрались на террасе. Я и малютка Люси, моя сестренка, также присутствовали. Любимая собака мамы лежала около нас.

Вдруг входит слуга и докладывает, что старый чужой господин просит разрешения переговорить с отцом.

На разрешение отца ввести его на террасу явился старый седой господин, одетый в длинное полумонашеское платье.

Я заметил, что у него были красноватые глаза и пунцовые губы на бледном лице.

При первых звуках его голоса Нетти, любимая собака матери, вскочила и, ошетилившись, бросилась на него. Она точно хотела вцепиться в его ноги, но страх перед палкой, которую держал незнакомец, заставил ее отступить.

– Поразительно, что с Нетти, – сказала моя мать. – Извините, – обратилась она к незнакомцу, – это первый раз, что Нетти бросается на чужих.

– Петро, выведи собаку, – приказал отец.

Незнакомец, казалось, не обратил никакого внимания на выходку Нетти и с низким поклоном подал отцу большой запечатанный конверт.

Пробежав несколько строк, отец обратился к матери и начал сообщать ей содержание письма. Я, конечно, не понял, да и не все слышал. Дело кончилось тем, что отец и мать предложили посланному сесть и изъявили свое согласие на его просьбу.

Пропустив первое мимо ушей, незнакомец спросил:

– Когда же позволите привезти гроб?

– Завтра, если хотите, – ответила мать.

Поклонившись, незнакомец удалился.

О чем говорили отец с матерью, я не разобрал; поминали капеллу, деда, старый портрет, но какую все это имело связь, я тогда не понял.

Вчера мне не удалось кончить письма: пришел Сильвио и

уговорил прокатиться на Лидо. Вечер был чудесный. Гондола наша тихо скользила по воде. Отблеск заходившего солнца золотил облака. Кругом нас раздавались пение и музыка с соседних гондол.

Я, настроенный на воспоминание о прошлом, думал о моей матери и ее преждевременной кончине. Она умерла, когда я уже был в Нюрнберге. Как прекрасна она была и как быстро увяла. До сих пор я не знаю болезни, что свела ее в могилу. На мои вопросы отец не отвечал, так же, как не объяснил мне причины, почему я был отослан из замка. «Это желание твоей матери».

Но почему? Она так любила меня!

Я ясно представлял себе мою мать: высокая, стройная, с тяжелыми русыми косами. Голубые глаза любовно и нежно смотрят на меня... Я точно чувствую их... и что же... два глаза смотрят на меня, но это не голубые глаза матери, а жгучие, черные.

Они промелькнули и исчезли... а я не могу их забыть!.. Мне необходимо их еще раз видеть!..

Пока прощай.

Твой Д.

Письмо второе

Милый Альф.

Вот уже две недели, как я не писал тебе. Представь, я даже не заметил, что прошло так много времени!.. Ты простишь мне, если я скажу, что счастлив, безмерно счастлив!!

Я нашел ее, то есть нашел обладательницу тех черных глаз, что смотрели на меня на Лидо. Глаза эти при свете солнца еще прекраснее. Да и вся она хороша! Возьми описание красавиц Венеции, и ты будешь иметь понятие, но думай не о ней, а только о ее тени...

Она знатного рода, но сирота и небогата. Живет под приглядом своей кормилицы; вот все, что пока я о ней знаю.

Я уже тебе сообщал, что мое невольное изгнание с родины кончилось и я могу вернуться в родительский дом.

Возвращение мое невесело, так как возможность вернуться я получил только благодаря смерти отца.

Много лет я уже не имел известий из родного дома. Отец, под угрозой его проклятий, запретил мне самовольно явиться в замок: «Когда придет время, я позову тебя».

И вот старый слуга пишет, что отец скоропостижно скончался от разрыва сердца, как определил врач.

Петро был моим дядькой и отвозил меня в Нюрнберг. Он просил прислать нотариуса для продажи замка и прибавляет, что это желание отца. О моем возвращении он не говорит ни слова. Точно этого и быть не может...

Нет и нет! Я еду домой, хотя бы это стоило мне жизни! Я хочу наконец знать тайну, что окружает смерть матери.

Да и сказать ли тебе, я мечтаю, что поеду туда не один...

Прощай!

Твой Д.

Письмо третье

Милый Альф!

Может ли кто-либо быть несчастнее меня? С семи лет у меня не было матери, и я не знал ее забот и ласк; не было родины; никто меня не любил; ты скажешь, что я жил в довольстве, окруженный достатком. Да, но это не то! Я все же чужой; вот и она прошла вчера мимо меня и даже не взглянула! А я знаю, знаю, что она видела, знала, что я стою за колонной и жду ее взгляда. А прошла мимо. Несчастный я, ты можешь плакать на могиле матери, а я... Еду, еду домой!

Ты спрашиваешь, о каком гробе я писал тебе, да о гробе дедушки, который слуга привез из Америки. Отчего дед был в Америке и что с ним там было – сказать тебе не сумею. Есть какое-то предание, но детская моя память его не удержала. Знаю одно, что дед завещал перевезти себя в родовой замок из страны ацтеков.

– Как ацтеков? – вскричал молодой хозяин. – Ведь и я из страны ацтеков, я потомок их.

– Быть может, это и есть тот самый родственник, документов о погребении которого недостает, чтобы быть введенным в права наследства, – сказал доктор.

– Жаль, что нет здесь нашего нотариуса. Но дальше, дальше, – торопил Гарри.

На другой день, – опять читал Карл Иванович, – после посещения старика с красными глазами перед вечером в ворота нашего замка въехали дроги, а на них большой черный гроб.

Отец и мать весь день были заняты хлопотами к его принятию.

Открыли двери склепа, что из капеллы. Капеллу всю убрали зеленью и свечами, решили пригласить священника. Склеп также очистили от пыли и паутины, и на одном из запасных каменных гробов отец приказал высечь надпись с пометкой «Привезен из Америки».

Долго ожидали старика, и только к вечеру он явился со своей печальной кладью.

Гроб оказался страшно тяжел.

Старик с красными глазами выразил сомнение, пройдет ли гроб по узкой и крутой лестнице, что вела из капеллы в склеп.

– Не лучше ли открыть западные двери склепа, выходящие в сад? – сказал он.

– Откуда вы можете все это знать? – удивился отец.

– По рассказам графа, – сумрачно ответил старик.

Пришлось отказаться от внесения тела в капеллу и от похоронной службы, что очень огорчило мою мать.

Наскоро открыли западные двери склепа и через них внесли гроб и опустили в назначенное место.

Когда хотели снова замкнуть двери замком, который изображал крест и, по словам стариков слуг, был прислан самим Папою из Рима, не оказалось ключа.

Поднялись суматоха и спор – кто держал ключ, но ключ не находился.

Красноглазый старик попросил у отца разрешения поселиться в развалившейся сторожке, близ дверей склепа, обещая их охранять, как собака.

– Да ведь сторожка непригодна для жилья, – сказал отец.

– Ничего, я ее поправлю, а для меня только и осталось на свете, что посещать могилу моего господина.

– В таком случае – хорошо.

Старик низко поклонился и, вынув из кармана большой темный футляр, подошел к моей матери.

– По словесному приказанию моего умершего господина, графа, на память о нем, – сказал он, передавая футляр.

На нежно-голубом бархате лежало чудное кольцо из жемчуга. Застежкой к нему служила голова змеи художественной работы, с двумя большими зелеными глазами. Изумруды, их изображавшие, были большой стоимости и как-то загадочно мерцали.

Все кольцо было особенно и стоило немало денег, конечно. Вдруг Гарри прервал чтение.

– Не знаю, известно ли вам, что на груди у Вицци-Пуцци было ожерелье из жемчуга, вернее из жемчужной змеи с зелеными глазами, и оно имело какую-то таинственную си-

лу. Ожерелье пропало, когда испанцы разорили храм Вицли-Пуцли.

Подождав минуту, но видя, что Гарри молчит, Карл Иванович продолжал:

Мать взглянула на отца, тот утвердительно кивнул головой.

Мать приняла подарок. Лучше бы она отказалась от него!..

Но прощай, «она» послала за мной... о, я счастливейший из людей!

Д.

Письмо четвертое

Альф, милый Альф, дорогой Альф, она меня любит, любит... мы объяснились!

Она меня любит. Это нарочно она прошла мимо. Ей хотелось, чтобы я пошел за ней. Как я счастлив! «Она» и родина, что нужно еще человеку?

Прощай. Бегу за розами.

Д.

Письмо пятое и письмо шестое

Как я уже писал тебе, все шло по-старому, и если смерть дочери садовника и огорчила мать, но все же она была совершенно здорова.

— Какая смерть, когда? — раздались вопросы.

— Видимо, пропущено одно письмо, — ответил Карл Иванович.

— Ну, дальше, — сказал хозяин.

...совершенно здорова, вплоть до роковой ночи.

Происшествия этой ночи крепко врезались мне в память, хотя до сих пор во многом они для меня загадочны.

Люси и я, мы спали через комнату от матери, под надзором Катерины.

Среди ночи меня разбудил страшный крик: откуда он, я не знал. Сев на кровати, я стал слушать: в доме была суматоха, хлопали двери, слышались шаги и голоса.

Окликнув Катерину, я убедился, что ее нет в комнате. На меня напал страх.

Босиком, в одной рубашке, я бросился в спальню матери. Там было много народа.

Мать лежала без чувств на высоко приподнятых подушках, бледная, как ее белые наволочки и ночная кофта. На груди, на белом полотне, я заметил кровавые пятна. Отец наклонился над больной, а старый наш доктор вливал ей ле-

карство в рот.

Кругом толпились испуганные слуги.

Через несколько минут мать очнулась и боязливо осмотрела комнату.

– Фред и, это ты, Фред и, ты прогнал его?

– Кого его, моя дорогая?

– Его, дедушку, не пускай его, не пускай!

– Успокойся, милая, никого нет, дедушка умер, а ты видела сон.

– Сон, да, сон, но как ясно, – пробормотала мать.

– Нет, это не сон!.. – снова заговорила она. – Правда, я уснула, но вдруг почувствовала, что кто-то вошел в комнату, лампада перед образом зашипела и погасла... Нет. Быть может, она и раньше погасла, а это шипела змея. Не знаю... В комнате был полумрак, – продолжала больная после короткого перерыва, – но я ясно узнала его, деда. То же бархатное платье и золотая цепь, а главное, те же злые глаза, чуть-чуть отливающие кровью. Горбатый нос и сухие губы. Это был он и не он!

– Полно, успокойся, – прервал ее отец.

– Нет, слушай. Он наклонился ко мне. «Почему ты не хочешь носить моего подарка? – тихо спросил он. – Попробуй». – В руках его было ожерелье с головою змеи. Он надел его на меня, целуя в губы. – При этих словах мать вытерла рот. – Губы были холодные, точно лягушки, и от него скверно пахло: гнилью, сыростью... Вместо ожерелья на моей шее

висела змея, которая тотчас же меня и укусила... Тут я потеряла сознание и ничего не помню... – закончила мать.

– Где же змея, мама? – не вытерпел я. Сразу же две хорошо знакомые руки подхватили меня и быстро унесли из комнаты.

– Где это видано, бегать ночью босиком, – ворчала Катерина.

– Да где же змея, няня? – не унимался я.

– Какая змея там, барыня видела сон и закричала.

– А кровь на кофте, ведь я видел кровь!

– Ну, это не знаю. Надо спросить доктора. Да спи ты, спи, – ворчала няня, укрывая меня.

На другое утро солнце так ярко светило в нашу комнату, Люси так звонко смеялась и болтала, что я совершенно забыл и о ночном страхе, и о змее.

Когда мы были готовы, Катерина, как всегда, повела нас здороваться с родителями. При входе в столовую она просила нас не очень шуметь, так как мамаша не совсем здорова.

На кушетке, обложенная подушками, полулежала наша мать. Даже мой детский взгляд заметил, как она побледнела и осунулась за ночь.

Почти не обратив на нас внимания, она обратилась к лакею:

– Где же Нетти, почему вы не приведете ее сюда? Вот уже полчаса, как я ее жду.

– Нетти нет дома, – отвечал заикаясь лакей, – все утро мы

ищем ее и не знаем, куда она делась.

– Но где же она, что это значит? – волновалась мать.

Лакей молчал.

– Разыщите, узнайте, кто видел ее последним, – распорядилась мать.

Лакей выптел.

Отсутствие собаки удивило и меня; я так привык ее видеть у ног матери, но все же судьба змеи интересовала меня больше, и с несдержанностью избалованного ребенка я спросил:

– Мама, ты нашла змею?

В ту же минуту отец сердито дернул меня за руку и прошептал:

– Молчи.

С недоумением я посмотрел на него и на мать. Брови отца были грозно сдвинуты, а мать с легким стоном откинулась на подушки.

Прежде чем я опомнился, отец спокойным тоном спросил меня, не хочу ли я верхом съездить в деревню, что давно было уже мне обещано.

Удовольствие верховой поездки заслонило все. С криком радости я бросился на шею отца.

– Прикажи оседлать тебе Каряго и пусть едет провожать Петро. Когда лошади будут готовы, зайдите сказать, я дам Петро поручение.

– Да, только поезжай осторожно, не скачи, особенно под гору, – кончил отец.

Через час мы уже выезжали из ворот замка. Пропуская нас, привратник просил Петро узнать, нет ли в деревне Нетти.

– До сих пор мы не можем ее найти, а барыня изволят сердиться.

Петро проворчал что-то вроде «старого дьявола», и мы осторожно начали спускаться под гору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.